

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАСЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЙ МЕСЯЦЕВ

Об этимологии славянских (т. е. нелатинского происхождения) наименований месяцев имеется богатая литература¹, однако многие данные следует толковать более правильно и точно. Настоящая статья представляет собой опыт целостной оценки в основном старшего слоя названий месяцев. Основную проблему мы видим в том, что только 12 (13) наименований придется признать первоначальными, остальные же, которых насчитывается в славянских языках десятки, следует отнести не к праславянскому в собственном смысле, а к более позднему времени. Некоторые названия, напр. болг. *симеоновски*, луж. *jašownik*, *hodownik* и др., несомненно более позднего образования, ибо они отражают христианский календарь.

Распространено мнение, что один и тот же месяц праславяне обозначали несколькими словами. По нашему мнению, данные диалектов обнаруживают такое состояние в историческую эпоху, однако для эпохи праславянского единства то же самое предполагать нельзя. Измерение времени (календарь) столь важно для сельскохозяйственных работ, что в эпоху, когда время можно было измерять только при помощи данных, полученных из наблюдений над небом и погодой, необходима была самая точная одно-

¹ К. J. E r b e n. Jména měsíců slovanská vůbec a česká zvláště. «Časopis českého musea», ročn. 23, svaz. 1, Praha, 1849, стр. 133—176; F. M i k l o s i c h. Die slavischen Monatsnamen. «Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften», philosophisch-historische Klasse, Bd. 17, 1868, стр. 1—32. (Далее — М и к л о ш и ч); И. Г о л о в а ц к и й. Венок русинам на обжинки, ч. 2. Київ, 1847, стр. 242—247; И. З а и м о в. Българските народни имена на месеците. «Известия на Института за български език», София, 1954, в. 3, стр. 101—147. (Далее!—З а и м о в); О. Г о р б а ч. Наші назви для днів тижня та для місяців. «Відбитка з Християнського Голосу», 12, стр. 20—23; Т. Н о л у њ с к а - В а r a n o w a. Ukraińskie nazwy miesięcy na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław, 1969. (Далее — Г о л ы н ь с к а); K. W e i n h o l d. Deutsche Monatsnamen. Halle, 1869 (объясняются некоторые славянские, в частности лужицкие, имена); E. H o f m a n n. Kultur und Sprachgeist in den Monatsnamen. KZ 59, стр. 120 и след. (продолжение — в 60-ом томе); M. P. N i l s s o n. Primitive time-reckoning. Lund, 1920.

Энциклопедические труды: Н. М. К а р а м з и н. История государства российского, т. I. СПб., 1816; L. N i e d e r l e. Slovanské starožitnosti, díl 1—4. Praha, 1906—1925 (разд. 3, 2 о календаре славян); J. Ł o ś. Początki piśmiennictwa polskiego. Изд. 2, 1922, стр. 135 и сл.

Из этимологических словарей преимущественно использованы чешские; Н о л у б - К о р е њ њ у, М а с h e k².

значность и определенность соответственных названий отрезков времени. Очень существен и мифологический элемент, т. е. представления древних народов о «сверхъестественной силе», определяющей движение Луны и изменения климата. Кажется, по представлению праславян, этой силе не должно было противиться, а «противлением» можно считать и произвольное толкование понятий, относящихся к ней: ведь не желательно пострадать от «наказания» в виде продолжительной зимы или неудобной для хозяйства погоды. Можно предполагать замещение некоторых названий, особенно зимних месяцев, вследствие табу, однако не следует говорить о семантической равноценности нескольких названий. И вообще нельзя предполагать, что в одно и то же время одним и тем же словом одни праславяне называли один месяц, другие же — другой. Различия такого рода восходят ко времени принятия христианского календаря, когда славяне уже жили разъединенно. В течение письменной истории возникли более глубокие расхождения между диалектами; в некоторых языках наименования месяцев так разошлись, что оказалось невозможным употреблять народные названия в качестве литературных. Это состояние, наблюдаемое в XIX—XX вв., сложилось в процессе развития отдельных диалектов, и поэтому не следует его имплицировать в праславянскую эпоху.

Одним месяцем праславяне называли отрезок времени с новолуния до новолуния (по точному исчислению 29 дней 14 ч. 14 мин.)². Так как 12 таких отрезков равны 355 дням, а астрономический год имеет продолжительность на 10 дней больше, надо было приблизительно раз в три года вставлять внеочередный месяц. Как считали праславяне, год начинался с весны; поэтому мы предполагаем, что этот тринадцатый месяц вставляли в качестве последнего зимнего месяца, это видно из приведенного ниже анализа отдельных названий.

Известные затруднения возникают оттого, что одно название нередко обозначает по славянским языкам и диалектам разные месяцы. Однако в случае семантического несоответствия названий оказывается «перемещенным», как правило, последовательно целый ряд месяцев. С этой точки зрения особенно интересно состояние сербохорватского (и отчасти с ним совпадающее состояние македонских и болгарских диалектов), где почти все месяцы «перемещены» на один раньше в сравнении с общеславянским состоянием. Наоборот, в русских диалектах названия, особенно относящиеся к весне, смещены на месяц позже. Это обусловлено

² Ср.: K. M o s z y ŋ s k i. Kultura ludowa Słowian. Wyd. 2, t. 1. Warszawa, 1967, стр. 168. (Далее — M o s z y ŋ s k i). Мнение Нидерле (указ. соч. 3, 2, стр. 746), о том, что фазы Луны считали с полнолуния до полнолуния, не отвечает этнографическим сведениям. Само обозначение *ново-луние* (подобным образом и в остальных славянских языках) сигнализирует, что именно тогда начинался новый отрезок времени.

более быстрым или медленным развитием природы в соответственной местности. Точно так же осенью на Балканском полуострове вследствие сухого климата деревья теряют листья раньше, чем в Средней и Восточной Европе. Если, в соответствии с представлениями праславян, мы будем считать месяц пробуждения природы первым, следующий — вторым и т. д. и изобразим этот ряд в виде таблицы, в которой, как сказано, на юге все месяцы расположены на один раньше, то получим следующую картину (см. таблицу 1, куда не включены названия узко территориальные).

Из таблицы видно почти полное единство названий 6-ого (в праславянском порядке) месяца — *srpъnъ* — и 9-ого — *listopad*. Названия остальных месяцев рассмотрим подробнее.

1-ый месяц назван праславянами по березе, зеленеющей в числе первых деревьев: др.-русск. и ц.-слав. *brъzъnъ*, русск. диал. и укр. *березень*, др.-польск. *brzezien*, чеш. *březen*, словц. и словен. диал. *brezen*, с.-хорв. *брезеъ*, с преобразованием ц.-слав. *brъzъkъ*, русск. диал. *березовик*, укр. диал. *березозол*, *березотик*, *березовень* и их производные. Поэтому мы предполагаем праслав. **berzъnъ*. Подобная мотивировка представлена в более позднем блр. и укр. названии от сок — *соковик*, *сочень*, блр. *сакавік* (березы в начале весны богаты соком). Юж.-слав. названия типа *lažujak*, *ožujak* («ложное», т. е. преждевременное, начало весны) образовано, вероятно, после разъединения славян.

2-ой месяц назван преимущественно по цветам: русск. диал. *цветень*, *цвитен*, укр. диал. *цвітеень*, с.-хорв. *цветан*, польск. *kwiecień* и заимствованное из него блр. устар. *квецень*, укр. *квітень*. Однако некоторые формы обозначают и 3-ий месяц: чеш. *květen*, словц. устар. *kveteň*, словен. диал. *cvetičnik*, болг. диал. *цветник* и укр. (в некоторых диалектах) *цвітеень*; с.-хорв. *цветан* может означать 2-ой, 3-ий и даже 4-ый месяц. Остальные названия 2-ого месяца новые.

3-ий месяц в большинстве языков носит имя травы, цветущей в это время: др.-русск. и ц.-слав. *trъkъnъ*, *trъkъnъ*, чеш. устар. *traven*, словен. (*velki*) *traven*, с.-хорв. *траван*, укр. диал. также *травнік*. Однако, так как в укр. и словен. диалектах название 3-его месяца образовано от *květ-*, встает вопрос, почему надо предполагать для праславянской эпохи последовательность *květъnъ* — *travъnъ*, если отмечен и обратный порядок. По нашему мнению, в праславянское время *květъnъ* предшествовал *travъnъ*-у, как видно из состояния русск. диал. и укр. литер. языка. Чеш. *květen* — новое заимствование (Юнгманом) из польского с изменением значения³. Словацкое *kveteň* отсутствует в старых памятниках. В словенском *cvetičnik* и болг. *цветник* суффиксы показывают, что эти слова — новообразования. В с.-хорв. *цветан* ввиду нали-

³ Ср.: М а с h e k², под сл. *květen*.

чия разных значений нельзя определить исходное. В паре «большой—маленький» (ср. словен. *mali traven—velki traven*) основное значение обнаруживает месяц, названный «большим». По нашему мнению, такая пара возникла оттого, что «большой» месяц в большей степени характеризовался явлениями природы, по которым он назывался, чем «маленький», «маленький» же касался их лишь отчасти.

В 4-ом месяце созревают первые плоды (черешня, земляника) и цветут растения, для которых характерен красный цвет (розы, пионы и др.); с названием «червоного» цвета связывают обозначения этого месяца Миклошич, Голуб, Копечный и др. Месяц носит названия в др.-русск. и ц.-слав. — *чръвень*, в вост.-слав. *червень*, в чеш. *červen*, в с.-хорв. диал. — *червеъ*, в макед. и болг. диал. — *црвеник*, в польск., блр., укр. устар. и русск. диал. также с *-ец* (в польск., наряду с *czerwiec*, и древнее *czerwień, czurwień*). Считаем, что в праслав. было **čьrvьнь*. Нам кажется, что сознание связи с красным цветом возникло вторично, путем переосмысления. Действительным мотивом названия считаем тот, который определил Мошинский (*Kultura ludowa Słowian* 2, 144), т. е. от *čьrvь* 'Wurm', потому что в июне черви, наряду с другими вредителями, размножаются и их надо скорее истреблять во избежание потерь урожая. Вторичное осознание связи с цветами косвенно подтверждается наличием более поздних, образованных при помощи разных суффиксов названий того же месяца, относящихся к розам: луж. *różownik* (5-ый месяц), *różowc*, *różowu*, чеш. устар. *růžen*, словен. *ročnik* (диал. *ročen*). Остальные названия 4-ого месяца мало распространены.

5-ый месяц назван преимущественно по липе, расцветающей в июле, — восточнослав. *липень*, словц. диал. *lipen*, словен. диал. *lipan* и с.-хорв. *липань*; в русск. диал., блр., укр. диал. и польск. — названия с суфф. *-ец*, который имеется и в чеш. *červenec*, производном от *červen*. Из остальных названий шире распространены имена, образованные от обозначений уборки сена: русск. диал. *сенокос*, *сенозорник*, русск. и укр. диал. *косень*, укр. диал. *сильокос*, болг. диал. *сенокос*, *косач* (в некоторых диал. и как 6-ой месяц). Эта мотивировка моложе, чем название 6-ого месяца от **сьгръ*, так как для уборки урожая на почве, образованной сожжением леса, серп больше подходит, чем применявшаяся позже коса⁴. В этот ряд можно включить и старое чеш. диал. *sečen* и более позднее луж. диал. *žńojski*.

Самое распространенное название 7-ого месяца — русск. диал. и укр. *вересень*, блр. *верасень*; в восточнославянских языках наряду с ним представлено заимствованное *вресень* (из польск. *wrzeseń*); др.-чеш. *vřesen* и ц.-слав. *крь҃тъмь*, *крь҃тъмь* обозначают

⁴ Ср. W. H e n s e l. *Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna*. Warszawa, 1956, стр. 22.

‘сентябрь’, а с.-хорв. диал. *вресењ* — ‘август’. Формы восходят к праслав. **versъnъ*, которое считаем исконным названием. Месяц назван «желтым» в русск. диал. *жолтень* (в некоторых диал. — ‘сентябрь’, в других — ‘октябрь’), укр. *жовтень* (в литер. языке — ‘октябрь’, в диалектах — ‘сентябрь’). Название по желтому цвету кажется более новым потому, что оно обозначает разные месяцы. С.-хорв. *коловоз*, диал. *колвез* основаны на признаке собирания урожая при помощи возов; в этом находит отражение более высокий уровень земледелия. Интересно др.-русск., русск. диал. и ц.-слав. *зарев*, *зарник*, в некоторых русских диалектах также *зорничник*, чеш. *září* (др.-чеш. *zářij*). Оно образовано при помощи префикса *за-* от названия следующего месяца (т. е. ‘месяц за *гигън-ом*’, раньше его), однако формы показывают, что в сознании говорящих значение подразумевается как ‘месяц ясной погоды’, что отвечает данным климатологии. Тем более удивляет, что тот же месяц в укр. диал. назван *сивень*⁵. От названия времени года образовано русск. название 7-ого месяца *осень*; то же в словц. диал. *jaseň* и словен. диал. *jesenik*.

Из названий 8-ого месяца вост.-слав. *паздерник* (блр. также *паздзерник*, в русском источнике XVIII века и *паздернил*, ср. Г о л ы н ь с к а, стр. 67) заимствовано из польск. *październik*; ср. и с.-хорв. диал. *паздерник*. Название происходит от *paźdergъje* ‘отбросы льна, обрабатываемого осенью’. Слово образовано от *dergъdъrati*, и префикс *paź-* здесь необычен; он вряд ли мог возникнуть через сращение *pa* и *jъz*, как считает Махек. Все-таки основное слово нам кажется более поздним. Более древним, исконно праславянским названием 8-ого месяца мы считаем **гигънъ*, отраженное в др.-русск. *рюень*, ц.-слав. *руенъ*, *руинъ*, др.-русск. и ц.-слав. *рюинъ*, с.-хорв., словен. диал. и болг. диал. *руян*, болг. и макед. диал. *руен*, русск. диал. *рюин*, чеш. *říjen*. Мы не согласны с допущением Гольнской⁶, что *rujen*, *rujan* — первоначально южнославянское, обозначавшее ‘желтый месяц’, подобно вост.-слав. *жолтень*, *жовтень*. В действительности юж.-слав. прилагательное *руен* характеризует предмет не по цвету (хотя второстепенное его употребление в сочетании *руино вино* значит ‘красное вино’); его значение ‘молодой, свежий, бодрый’ связывает прилагательное (и вместе с ним и название месяца) с глаголом *rěvgr’uti*, от которого назван и месяц, так как в соответствующее время происходит течка оленей, они «ревут». Наименования месяца, образованные от вина — словен. *vinotok*, польск. диал. *winnik*, луж. *winowc*, *winski*, также юж.-слав. *гроздобер*, болг. диал. *гроздар*, — нельзя считать праславянскими, так как

⁵ По Головацкому (указ. соч.), это ‘месяц сеяния озимых’; так и Гольнская, стр. 61. По нашему мнению, в таком случае должно быть **севень*, несмотря на то, что озимые высеваются позже.

⁶ Гольнская (стр. 63—64) возвращается к старому объяснению Карамзина (указ. соч.), справедливо отвергнутому другими.

виноделие по всем признакам праславянам не было известно. Блр. *кастрычнік* — калька разговорного *паздзерник*.

После ноября (о слове *listopad* — выше) наступает период зимы. Для первого его месяца мы предполагаем праславянское название **grudънь*, ср. др.-русск. и ц.-слав. *груденъ*, русск. *грудень*, словц. *hruden* и болг. диал. *груден*, с.-хорв. диал. *грудан* 'декабрь', польск. *grudzień* (древнепольск. также 'ноябрь', сейчас — 'декабрь'), укр. *грудень* (в диалектах, где *листопад* — 'ноябрь', *грудень* — 'декабрь'; там, где *листопад* — 'октябрь', *грудень* — 'ноябрь')⁷, блр. устар. *грудзень* и др.-чеш. *hruden*, *hrud(e)nes*, помещаемое в качестве 13-го месяца, обычно между *listopad* и *prosinec*⁸ (как, впрочем, и на второе место среди зимних месяцев), что является исключительно чешским развитием. Это название мотивировано замерзанием земли, образующей груды. Другие названия месяца, следующего за листопадом: блр. *снежань*, русск. диал. *студень*, *солноворот*, укр. диал. *студень*, *мочарець*, *трусим*, словц. *studeň*, с.-хорв. и болг. диал. *студени*; все они отражают признаки погоды во время наступления зимы, поэтому нам кажется, что эти названия вытеснили, вероятно очень давно, старое **grudънь*.

Вторым праславянским зимним месяцем был **prosinyсь*: русск., укр., болг. *просинец*, др.-польск., чеш., словен. *prosinec*, с.-хорв. *просинац*, в др.-чеш. ошибочно измененное в *prasinec*. Где *grudънь* или заместившее его название обозначает 'ноябрь', там *prosinyсь* — 'декабрь'; где же *grudънь* — 'декабрь', там *prosinyсь* — 'январь'. В украинском, белорусском и польском после *grudън*'а следует сразу *сѣцьнь*. По нашему мнению, **prosinyсь* в этих языках отсутствует по той же причине, по которой в чеш. исчезло *hruden*: это имя обозначало раньше тринадцатый месяц и в христианском календаре стало излишним.

Приведем названия следующего месяца: др.-русск. *сѣчень*/*сѣчьнь*, русск. диал. и блр. *сечень*, др.-польск. *seczen*, укр. диал. (также в литер. языке, где он идет после грудня) *січень*, словц. диал. (*velkŭ*) *сеѣнь*, словен. диал. *sečen*, с.-хорв. *сијечань* (диал. *сечко*, *сичен*, *свечан*, *свиничар*), болг. и макед. (*голям*) *сечко*, иногда и *големин*, *големият месец* и пр. Предполагаем, что праславянское **сѣцьнь* получило название как период года, наиболее удобный для рубки леса с целью получения деловой древесины. Вторичной является мотивация по обрезанию плодовых деревьев (в январе и феврале они содержат наименьшее количество древесного сока, что садоводы узнали на высшей степени земледелия), и народным кажется объяснение по большому морозу, который «сечет». По нашему мнению, к **сѣцьнь* относятся и польск. *styczeń*, словен. литер.

⁷ Материал и комментарии находим у Гольнскойой, 68—71, 117—118.

⁸ Ср. слово *hrudeň* в словаре Юнгмана (J u n g m a n n I, стр. 771) и примечание о нем Я. А. Коменского в произведении «Janua linguarum. . .».

и с.-хорв. диал. *svečan*, с.-хорв. диал. *свиничар*, а также луж. *sweckowny*, изменившиеся ввиду того, что мотивировка осталась непонятой, *styczeń* обязано переосмыслению⁹ в 'месяц на стыке двух годов', *svečan* и *sweckowny* ошибочно связаны с праздником Сретения Богородицы, когда зажигают свечи, *свиничар* (подобно др.-чеш. *prasinec*) отнесено к убою свиней. Другие названия месяца соотносятся или с обозначениями зимней погоды (чеш. *leden*, словц. диал. *l'aden*, блр. *студзень*, луж. *zimski*, *wezimski* — к ним принадлежит и болг. и макед. диал. *коложег*, по нашему мнению, заимствованное из греч. диал. *παλουκοκαύτης, πασσαλοκαύτης* [ς])¹⁰, или с обычаями (болг. и макед. диал. *свадебный, лобзаец*, луж. *zachorny*).

После *сѣцьн'*а только в ограниченном количестве диалектов сразу следует первый месяц весны; в большинстве языков необходимо вставить еще один зимний месяц. Он называется различно, чаще всего — как «маленький сечень»¹¹; ср. укр. диал. *січенько, сішненко, січник, січень другий*, словц. диал. *malý sečej*, болг. диал. (уже в староболг.) *малѣк сечко*; в болг. и макед. диал., где предшествующий месяц называется *големин*, настоящий именуется *малкият* или *сечко, сечка, сечен*. Кажется, что такая же мотивировка, как в болг. диал. *големин*, представлена и в с.-хорв. *вельча*, диал. *вельак*; удивляет только обратный порядок противопоставления «маленький—большой».

Происхождение других названий месяца связано с погодой. О том, что последнего месяца зимы население славянского севера боялось, свидетельствуют русск. диал. *лютой*, блр. *люты*, диал. *лютый* (в некоторых диалектах после него еще *палютый* — оттого, что до начала весны осталось еще время), укр. *лютий*, диал. *лю-тень, лютовень*, польск. *luty*. На славянском юге, вследствие других климатических условий, последний месяц зимы назван «сухим»: словен. *sišec*, с.-хорв. *сушац*, ц.-слав. и болг. диал. *сух, сухи* (мотивировка названия может восходить или к меньшему количеству осадков, или к высыханию полей после таяния снега). К погоде относится и чеш. *únor* (от основы, которая представлена в глаголе *нырять*), русск. диал. *снежа*, укр. *казидорога, казибрід*, сокращ. *кажо* (оттепель портила дороги и броды). Возможно, что разные принципы наименования последнего зимнего месяца свя-

⁹ Объяснение *styczeń*- 'месяц на стыке' дал Rakowiecki (Prawda ruskа. Варшава, 1820, стр. 56). Миклошич и др. исходят из **styd-ъk-ъn*, т. е. 'холодный месяц', однако словообразование при этом необычно, а наличие аналогично образованного названия месяца от формы *stud-* в других языках делает это объяснение сомнительным.

¹⁰ Так считает А. Šimčík (См. RĚS 15, 1935, стр. 230—231). Й. Заимов стремится доказать славянское происхождение, однако семантическая мотивировка греческих форм ясна, тогда как о славянском названии этого сказать нельзя.

¹¹ Различие «большого» и «маленького» месяцев, происходящее отсюда, сохранилось в луж. *welki/mali rožk*, образованном как калька нем. *Hornung*.

заны с тем, что у праславян это был вставной тринадцатый месяц, которого они боялись. Если после истечения 12 вышеупомянутых месяцев еще не были заметны признаки весны, следующий месяц получал название или «второго сечня», или иначе, по неприятной погоде. (Возможно, что один из мотивов суеверия о неблагоприятности цифры 13 заключается именно в этом.)

Из вышесказанного вытекает, что праславяне называли 12 месяцев года именами в следующем порядке: 1. *berzъnъ*, 2. *květъnъ*, 3. *travъnъ*, 4. *čъrvъnъ*, 5. *lirъnъ*, 6. *sъrъrъnъ*, 7. *versъnъ*, 8. *rujъnъ*, 9. *listopadъ*, 10. *grudъnъ*, 11. *prosinyсь*, 12. *sěčъnъ* (кроме одиннадцатого месяца все они трехсложные!). Остальные названия месяцев образованы позже упомянутых: некоторые из них — в более позднее праславянское время (вследствие табу), другие — после утраты сознания мотивировки, некоторые же — после принятия христианства.

Кроме сложного слова *listopadъ*, все эти названия имеют суффикс *-ъnъ*, у двух летних месяцев отмечено колебание *-ъnъ/-ъсь* и только у **prosinyсь* — оконч. *-inyсь*¹². Этот факт важен для этимологии слова **prosinyсь*, объясняемого несколькими способами, даже от *prosi* (это мотивировка по христианскому обычаю во время Рождества, несмотря на проблематичное основное значение глагола), **porsę* (по поводу чеш. *prasinec*, однако вост.-слав. формы и юж.-слав. ударение обнаруживают фонетическую несостоятельность такого объяснения) или *proso*; последнее кажется наиболее вероятным, как будто без фонетических или семантических препятствий. Однако словообразование показывает несостоятельность и этого объяснения, даже если не принимать в расчет также соображения семантического характера (никакие сельскохозяйственные работы с просом в то время не проводятся, и ритуальная мотивировка оказывается недостаточной). Если бы месяц был назван по просу, название должно было бы быть **proсъnъ* (не **prosinъ*; или *prošъnъ*; производящее существительное не *a*-основа!). Нельзя предполагать вставленное *-ъсь* по примеру *čъrvъсь*, *lirъсь*; форма *prosinecъ* отмечена практически во всех славянских языках с самого древнего времени, форма без *-ъсь* пока не отмечена, тогда как *čъrvъnъ*, *lirъnъ* имеются. Вероятно, *-ъсь* в названиях летних месяцев появилось по примеру **prosinyсь*, которое следует делить не **pros+inyсь*, а **prosin+ъсь*, что пока-

¹² На *-ъnъсь* не указывают даже ц.-слав. *просеньць* (о нем Заимов, стр. 106) и единственный случай с древнепольской записью *proschyen* (Łoś. Указ. соч., стр. 136—137): эти две формы несомненно поздние; в древнепольском более обычны записи *prosinec*, и *-e* в *prosenъсь* не может быть вм. ъ (нечетного). Голыньска предполагает возможность исходной формы **prošъnъсь*, что убедительно; записи рефлекса *š* в с.-хорв. и укр. диал. являются исключениями, их легко объяснить как ошибки, и церковнославянское написание с *-š* может отражать внутреннее развитие болгарских диалектов с их чередованием *u/a(e)* под влиянием форм прошедшего времени.

зывает правильность толкования Голуба, Копечного и Махека: префикс *pro* + основа *sin* + суффикс *-ьсь*; мы добавляем, что поводом для появления иного конечного суффикса, чем у остальных названий месяцев, считаем наличие *-n* в конце основы. Из-за неудобства конфигурации *-sin + ънь* образовалось *-sin + ьсь*, от которого *-ьсь* проникло по аналогии в другие названия. Следовательно, первоначальное значение имени *prosinьсь* — 'месяц, когда небо покрыто синими (в праславянском значении, т. е. 'свинцовыми') тучами'.

Из анализа видно, что существуют характерные словообразовательные черты самых распространенных названий месяцев, которые позволяют считать эти названия наиболее древними. Остальные наименования месяцев кажутся более поздними новообразованиями отдельных языков и диалектов.